

Михаил Азарянц г. Балашиха, Московская обл.

Ледовый плен

Бабье лето на Волге – великолепное время. Правый берег, освещённый восходящими утренними лучами, играет золотистыми бликами в слегка покачивающихся ещё густых кронах деревьев. Уже не лето, но ещё и не осень. Солнце желанное и неназойливое.

Вода как парное молоко, и, окунувшись, не хочется выходить на берег. Но постоянно ощущаешь какое-то сожаление о том, что скоро всё это кончится и станет холодно.

Ближе к зиме с предоставленной мне комнаты я переехал к тёте Нине Кунилиной. Дом у них был большой, но и семья не маленькая. Общего заработка дяди Миши, её мужа, явно не хватало на сытую жизнь, поэтому он никогда не пропускал сезон охоты.

Сорокалетний отец семейства, маленький, худощавый мужичок, охотился не ради барской забавы, а для того, чтобы кормить семью. Нина никогда не упрекала мужа за скромную зарплату и благодарила Бога, что хлеб и рыба дома были всегда. Но дядя Миша рассуждал по-другому и к осенней охоте относился серьёзно и старательно. Каждый год в конце октября он брал поло-

женный ему отпуск и отправлялся на раскаты, предварительно подготовив бударку с мотором, кулас и ружьё. Среди его амуниции и скарба, уложенных на дно лодки, обязательно были резиновые сапоги (бахилы), штормовка, два стареньких патронташа, шест, казанок, целый набор ножей, небольшой вентерь для ловли рыбы на котёл. Ведь отправлялся он на охоту не на один день. Два знаменитых тульских ружья, доставшихся ему по наследству от деда и армейский штык от автомата Калашникова. Из продуктов он брал хлеб, соль, сухари, картошку и лук – в основном всё, что растёт в его огороде.

Места охотничьи он знал хорошо, так как с четырнадцати лет каждый год самостоятельно ездил на осенний промысел, чтобы заготовить дичи на всю зиму. И обычно 120–150 уток, гусей, чирков привозил он домой. Зная все премудрости поздней осени, он тщательно готовился встретить её неожиданные сюрпризы там, на раскатах. В эту пору на деревьях и на жухлой траве по утрам появлялся иней, напоминающий о скором приходе зимы. Небо всё чаще заволакивало серыми тучами, и, хотя осадков никаких не было, от природы можно было ожидать всего.

Около десяти утра, когда всё было готово, детвора вышла к берегу проводить отца в нелёгкий путь. Дёрнув за короткий пеньковый шнур, дядя Миша завёл мотор «Ока», лодка тихо-тихо почапала вниз по течению. Дочки помахали отцу вслед, желая удачной охоты, и отправились к дому. А лодка, едва тарахтя маленьким малосильным мотором, удалялась, унося его звук вниз по реке. Сначала уплыли вспять знакомый причал, льдобугор, местный клуб, стоящий на пригорке. Лодка миновала «Станья», и жильё кончилось. Невысокие, ещё чуть зелёные берега с редкими оголёнными деревьями и кустарниками постепенно сменялись широкими полосами жёлтого камыша. Река разветвлялась небольшими рукавами, постепенно меняя ландшафт, и каждая следующая речка или ерик тоже делились на два.

Через пару часов растительность стала ниже, глубина – меньше. Где тут русло?

Найти было почти невозможно. Но опытный глаз рыбака-охотника прокладывал себе путь сквозь заросли чилима и лилий. Мотор пришлось выключить и приподнять в лодку. Дядя Миша продолжал путь, толкаясь шестом. Глубина была не более полуметра. К полудню, доплыв до густого кустарника, потопленного водой, расположенного небольшим треугольником, дядя Миша уткнул лодку, привязал её к кустам и закурил. Теперь можно было и отдохнуть. Вытащив из рюкзака большую вяленую краснопёрку (любимая еда всей его семьи), он мастерски, с характерным треском отделил пузо, разломив её почти вдоль от башки до махалки, небрежно отбросив его в сторону, пыхтя крепкой беломориной, и стал тщательно очищать рыбу от чешуи. Когда работа была закончена, он достал свежий огурец, ломоть чёрного пахучего хлеба, маленькую стеклянную фляжку со спиртом и, налив граммов двадцать в металлический стаканчик, выпил залпом, зачерпнув им же из-за борта, запил водой. Затем занюхал хлебом, хрустнул огурцом и стал с удовольствием уплетать небогатую закуску. Ел он с аппетитом, вгрызаясь в истекающее жиром красноватое мясо краснопёрки. После напряжённой работы тело отдыхало, а выпитая стопка разморила его вконец. К тому времени вышло солнце и стояло в зените, обогревая ласковыми, уже почти бессильными лучами. Охотник опустил на мостки и, положив голову на рюкзак, уснул. Безмятежный сон длился больше двух часов. Стояла тишина. Чуть слышался плеск воды от набегающего порыва ветра.

И может быть, дядя Миша проспал бы ещё много часов в этой кромешной тишине, если бы её не нарушил надрывный поросчий визг. Дядя Миша видел сон, будто он по двору гоняется за поросёнком, покинувшим загон, и никак не может его поймать. Но уже в полусне, разбуженный этим диким визгом, он осознал, что что-то происходит наяву.

События развивались на чилимной поляне. По краям её возвышался неплотный камыш, а в центре торчал небольшой островок кустарника, к которому молодому

секачу удалось прижать небольшой гурт диких подсвинок, видно, пришедших полакомиться великолепным деликатесом – чилимом. Секач выбирал себе молодую свинью, готовую к спариванию, храпел, угрожая, и готовился к нападению. Вдруг откуда-то вынеслась тёмная ошетилившаяся туша. Молча она летела на молодого секача, но тот словно ждал нападения, видно, удивляясь, почему оно до сих пор не случилось. И, не медля ни секунды, не протестуя ни звуком, умчался прочь. Загнав молодого секача в лес, матёрый кабан вернулся к стаду.

Всё это происходило на глазах оторопелого опытного охотника. Матёрый кабан, увлечённый погоней и заботой о своём стаде, даже не заметил охотника и, гордо тряся своими мощными боками, удалился, уводя свою команду в глубь зарослей. Напуганный неожиданными событиями, дядя Миша тут же зарядил одно из ружей пулей, понимая, что даже случайно матёрый может вернуться: сейчас как раз время гона и опасность может возникнуть неожиданно. Едва успев перезарядить ружье, он услышал всплеск воды. Обиженный матёрым, секач появился на чилимной поляне. Видимо, хотел убедиться, не вернулись ли подсвинки сюда. Он тоже был очень опасен, и опытный охотник решил не упускать шанса. Аккуратно прицелившись ему в лоб, он увидел его свирепые и удивлённые глаза и, поймав миг нерешительности зверя, выстрелил. Расстояние было вовсе небольшое, не более двадцати метров, и зверь, поражённый прямо между глаз, свалился, как скошенный сноп. Подёргавшись в предсмертных судорогах, он затих.

– Вот это удача! – воскликнул вслух дядя Миша и, подтянув повыше бахилы, спустился в воду. Кабан лежал на боку. Большая часть его туши была скрыта под водой, а другая, окаймлённая большой кровавой лужей, блестела под косыми лучами уходящего за горизонт солнца. Дядя Миша по воде подтащил тушу к лодке и легко перевалил её через борт. Он глядел на неё и не верил своим глазам.

«Вдоволь накормлю ребятшек, соседям раздам, – рассуждал он про себя, – и люди

скажут: “Кунилин – настоящий охотник”. А я-то совсем не за этим сюда приехал. Но утки, гуси – само собой».

В хорошем настроении он стал готовить засидку. Спрятал подальше в камышах бударку с кабаном, накрыв его брезентом, из которого собирался соорудить палатку, сбоку накрыл чаканом и приготовился к охоте. Через 15–20 минут должен начаться перелёт птиц. Мимо этого места они небольшими стаями обычно летели на ночёвку. Сигналом к началу перелёта служило солнце, коснувшееся краем горизонта. Послышался первый нарастающий шум, и охотник по звуку понял, откуда летит птица. Он вскинул ружьё и мгновенно уловил летящую стаю. Стоило ей оказаться в поле зрения, он нажал курок – раз, другой, – две птицы шлёпнулись метрах в двадцати где-то впереди. Подтянув кулас за верёвку, он быстро забрался в него и, гребя одним веслом, поплыл собирать добычу. Так он делал всегда, потому что собаки у него не было, а дичь, если вовремя её не собрать, просто могла утонуть или стать добычей ондатры. Снова заняв своё место и изготовившись к стрельбе, он ждал. Обычно за вечер и утро он успевал убить штук 30 уток и гусей. Днём отдыхал, дожидаясь вечера. Иногда ловил рыбу и варил себе уху на примусе, который всегда брал с собой.

Стемнело. Небольшая горка дичи была аккуратно уложена в бударке рядом с ещё не остывшим кабаном. После захода солнца резко похолодало. Дядя Миша надел тулуп, валенки и шапку-ушанку. Так резко становится холодно в ночные часы уже с первых дней ноября. И особенно тогда, когда дует северный ветер. Охотник перекусил помидором и незаменимой краснопёркой, напился горячего чая из термоса и стал устраиваться спать. Опасаться здесь было нечего, так как ни один зверь не полезет в воду, тем более если его никто не тревожит.

Довольный хорошей охотой и неожиданным сюрпризом, который преподнёс его величество случай, дядя Миша устроился на ночлег. Укрывшись байковым одеялом, он смотрел на небо, которое сверкало миллионами далёких звёзд. Лягушки, поселив-

шиеся на отмелях, перекликались разными голосами, устроив нескончаемый концерт. Трещали поздние сверчки, вклиниваясь в стройную лягушачью мелодию. Благодать! «Вот она, природа: нежно ласкает и убаюкивает меня своими таинственными звуками», – подумал он. Долго не хотелось спать. Глядя в небо, охотник думал о том, что где-то на далёких звёздах тоже есть жизнь и тоже есть люди, которые, наверное, ходят вниз головой, но в остальном такие же, как мы, так как другими он их никак не мог себе представить. Так, рассуждая о других мирах, он постепенно заснул.

Привыкший вставать рано, он проснулся ещё до восхода солнца. Было холодно, и не хотелось вылезать из укрытия. Темно. Но на востоке небо уже чуть посветлело. Первое, что услышал дядя Миша, – это характерный хруст под лодкой. Неужели лёд? Перегнувшись, чтобы убедиться в обратном, он был разочарован и даже перепуган. Рука упёрлась в твёрдую холодную поверхность. «Ну, может быть, только чуть прихватило», – успокаивал он себя.

Но рассвет подтвердил его догадку. Все чилимное поле и вода в обозримом пространстве были покрыты льдом. «Надо медленно выбираться, – подумал он. – Но как? Вдруг речка замёрзла вся». Он встал в лодке, взял шест и начал пробовать лёд. Возле лодки корка была довольно хрупкой, и дядя Миша, не теряя ни минуты, – даже с каким-то остервенением – стал толкаться шестом. Лёд довольно легко крошился, и лодка медленно продвигалась вперёд. Работая, он мысленно считал расстояние и скорость, с которой плыл сюда по течению с мотором: «Слабое течение – километра три в час, и скорость лодки под мотором десять километров, вот и все двадцать шесть за два часа пути. А теперь назад без мотора не более двух километров в час, толкаясь шестом, – это тридцать часов непрерывного движения. Но ведь такое невозможно! А вдруг там, выше, лёд совсем стал? Выберусь на берег и пойду пешком. А как же кабан, дичь?» Стало грустно, но работать он не переставал. Вспомнил, что оставил кулас и засидку, но сейчас не до этого.

«Как бы не пришлось избавляться от добычи, – подумал он. – Буду грести, пока есть силы». Он не считал метры дорожки, пробитой во льду, да и никак не мог посчитать, но упорно толкался, сгибая и разгибая спину, прилагая усилия, чтобы крошить ещё не окрепший лёд. «Скорей бы вышло солнце, может, оно на половину растопит эту ледяную корку и можно будет включить мотор, но это там, когда выйду на чистину».

Тяжёлая лодка пока справлялась с задачей и, как ледокол, разламывала тонкую корку. Уставший, изнеможённый, он воткнул шест за кормой, чтобы течение не понесло лодку назад, сел отдохнуть. Пора бы и перекусить. Он съел один помидор и огурец, затолкал в рот кусок уже зачерствевшего хлеба, запил водой и убрал припасы в рюкзак. И даже не стал трагить усилий, чтобы очистить краснопёрку. Два часа не прерываясь он орудовал шестом, чтобы двигаться вперёд. Сколько метров или километров осталось позади, он не знал. День был впереди.

«Надо засветло выйти к большому руслу, – думал он. – А там, может быть, льда и нет, заведу мотор и поеду».

Небо заволокло тонкими, почти прозрачными облаками, но солнце из-за них едва пробивалось кое-где бледными пятнами. Видимо, формировались тучи, которые могли принести осадки. «Ещё не хватало», – подумал охотник и, прервав отдых, снова взялся за шест.

Нигде не было слышно ни единого выстрела, что удивляло дядю Мишу. Обычно в это время охотников здесь столько же, сколько дичи: пальба со всех сторон. А тут тишина.

«Может быть, по радио передавали о заморозках, а я не слышал», – он знал и ранее не один случай, когда охотники оставались в ледовом плену. Но, как и всякий, думал, что с ним такого не случится. А теперь и сам оказался здесь. Скорее всего, было так. А кто знал, что дядя Миша днями поедет на охоту? Никто. Сам он об этом много не говорил. Поэтому ему никто не сказал о погоде. Он любил похвастаться и приврать уже после охоты – и приврать так убедительно,

что ему верили, как ему казалось, хотя нёс он порой несусветную чушь.

Как-то в половодье он взял острогу и поплыл вниз по реке. Навстречу шёл караван прорезей, и знакомый рыбак окликнул его:

– Кунилин, осётра хочешь?

– Хочу, – обрадовался он.

Дядя Миша пристал к каравану, и Егор, зацепив сачком живого осётра, бросил ему в бударку. Кунилин поблагодарил Егора и поплыл дальше. А когда вернулся домой, застопкой водки, на вопрос: «Откуда осётр?» – сказал: «Такое сильное половодье было, что осётры на деревья взбирались. Вот я одного и снял». Слушатели даже засомневались, правда это или нет.

Вот и сейчас, усердно ломая тяжёлой бударкой лёд, он вспоминал этот случай и улыбался сам себе. Правду говорят, что в экстремальных ситуациях у человека включаются какие-то дополнительные силы и он с остервенением борется за жизнь.

Солнце так и не вышло, и надежды на хорошую погоду были довольно призрачны. Время перевалило за полдень, и, несмотря на его дефицит, надо было передохнуть и пообедать. Всё то же меню. Но стопку дядя Миша пить не стал, чтобы не расслабиться и не заснуть. По его расчётам, к вечеру он должен был выйти на чистину, где можно будет завести мотор, и тогда – спасение. Отдохнув полчаса, он снова взялся за трудную работу. Шест стал уходить всё глубже и глубже – это был признак того, что раскаты он прошёл. Вышел в какой-то ерик. Вдоль пошли берега. Теперь уже сам он не пропадёт. В крайнем случае, пойдёт пешком, но разве ради этого он столько рисковал. Уже спасённый, он мог подумать о том, как довести добычу до дома. Спину ломило от бесконечных наклонов и напряжённых движений руками и всем телом. Оставалось причалить к берегу. Потратив немало усилий, он повернул лодку, и, пройдя с огромным трудом ещё метров двадцать, она коснулась земли. Выйдя на берег, он обрадовался и, зацепив её якорем за куст, вышел размять ноги. Кромка льда у берега была потолще, морозило, но, тепло одетый, он не боялся холода. Когда побродил немного, в

голову ему пришла мысль: собрать веточки, развести костёр и сварить одного чирка, которого он подстрелил последним. Всё равно сил толкать дальше у него не было, а завести мотор мешали водоросли. Надо было устроить отдых.

Дядя Миша собрал сухих веток, пристроил на рогадинах казанок, ошипал чирка и разделанного бросил его вариться. Две луковицы и лаврушка придали супу домашний аромат. Сердце успокаивалось, и душа отдыхала. К четырём часам выглянуло солнце. Впервые за два дня вкусно пообедав, охотник закурил. Он пошёл вдоль берега, осматривая дальнейший путь. Пройдя метров двести и постоянно оглядываясь на лодку, вдруг понял, что он на острове. И пробиваться дальше на лодке – неизбежно. Чтобы пересечь ерик, который разделял остров от другого участка земли, надо было пройти ещё метров триста. Идя по кромке берега, он разбивал шестом лёд, освобождая путь для прохода лодки. Примерно за час он прошёл с шестом по берегу около ста метров, чтобы ночью мороз вновь не сковал это русло. Он снялся и поплыл вверх по течению. Изрядно утомившись, потратив остаток сил, приковал лодку к берегу и стал устраивать себе ночлег.

Смеркалось. Ружья, конечно, были наготове, и метрах в десяти в полынье он заметил мирно плавающих уток. Это его развеселило. Он залёг, поджидая, пока они плотнее прижмутся друг к другу. Меткий залп охотника застал их врасплох. Бил крупной дробью, и три утки были повержены. Но как их достать? Лёд ещё очень слабый. И он вновь взялся за дело и стал пробивать его шестом. Десять метров – это не так уж и много. Справившись с этой работой, довольный новой удачей, он закинул дичь в лодку. Спал он плохо. Новые задачи тяготили его. Здесь была территория, граничащая с заповедником, и он боялся, как бы запах кабана не привлёк внимания волков, которых тут, по всей видимости, было немало. Просыпаясь от каждого шороха, он то и дело хватался за ружьё, вглядывался в темноту и, ничего не обнаружив, снова укладывался спать. К утру он заснул креп-

ким сном. Лучи утреннего солнца разбудили его в восемь часов. Он вскочил и обрадовался, хотя ночью, видимо, был небольшой морозец: во всю длину следа, проделанного его лодкой, блестела тонкая плёнка льда, которая ломалась от прикосновения шеста. Подула моряна. «Это ещё один шанс на выживание», – подумал дядя Миша. Выпив остатки чая из термоса и наспех доев кусочек мяса от вчерашнего обеда, он продолжил работу. Разбив ледяную корку вокруг лодки, оттолкнулся от берега и стал боком выходить на середину. Через некоторое время это ему удалось. Измерив глубину, а она здесь была уже чуть более метра, зачерпнул шестом от самого дна. На шесте ничего не было. «Можно попробовать мотор», – подумал он. Подкачав насосом бензин и покрутив в холостую маховик, он настроил зажигание и дёрнул шнур. Мотор завёлся, лодка тихо пошла вперёд.

– Ура! – вырвалось у него из груди, и он, по инерции плюхнувшись на заднее сиденье, стал рулить к середине. Там лёд был тоньше, и, вероятней всего, не было подводной растительности. Тяжёлая лодка, наезжая носом на лёд, с успехом его ломала.

Пока всё шло благополучно. Лишь бы не намотать на винт. Скорость не превышала пяти километров, но это уже было удачей. Миновал ерик, который ограничивал остров, справа пошла полоса кустов. Здесь даже пешком можно было беспрепятственно добраться до дома. Но это уже в крайнем случае, а сейчас надо молить Бога, чтобы не заглох мотор. Впереди показалась чистина. Лёд плыл маленькими кусками. Лодка набирала скорость. Сердце охотника ликовало. Дядя Миша усердно подкачивал бензин, чтобы не заглох мотор. Часа через два далеко впереди замаячила заводская труба. Навстречу проскочила «казанка» под «Вихрем».

«Вот я уже и дома», – подумал он.

Ещё минут тридцать ходу. Он вдруг запел песню «Из-за острова на стрежень», хотя никогда раньше не пел, может быть, только в детском саду... А тут песня ликования вырывалась у него из груди.

– Я охотник, я охотник! – кричал он, подплывая к родному причалу.